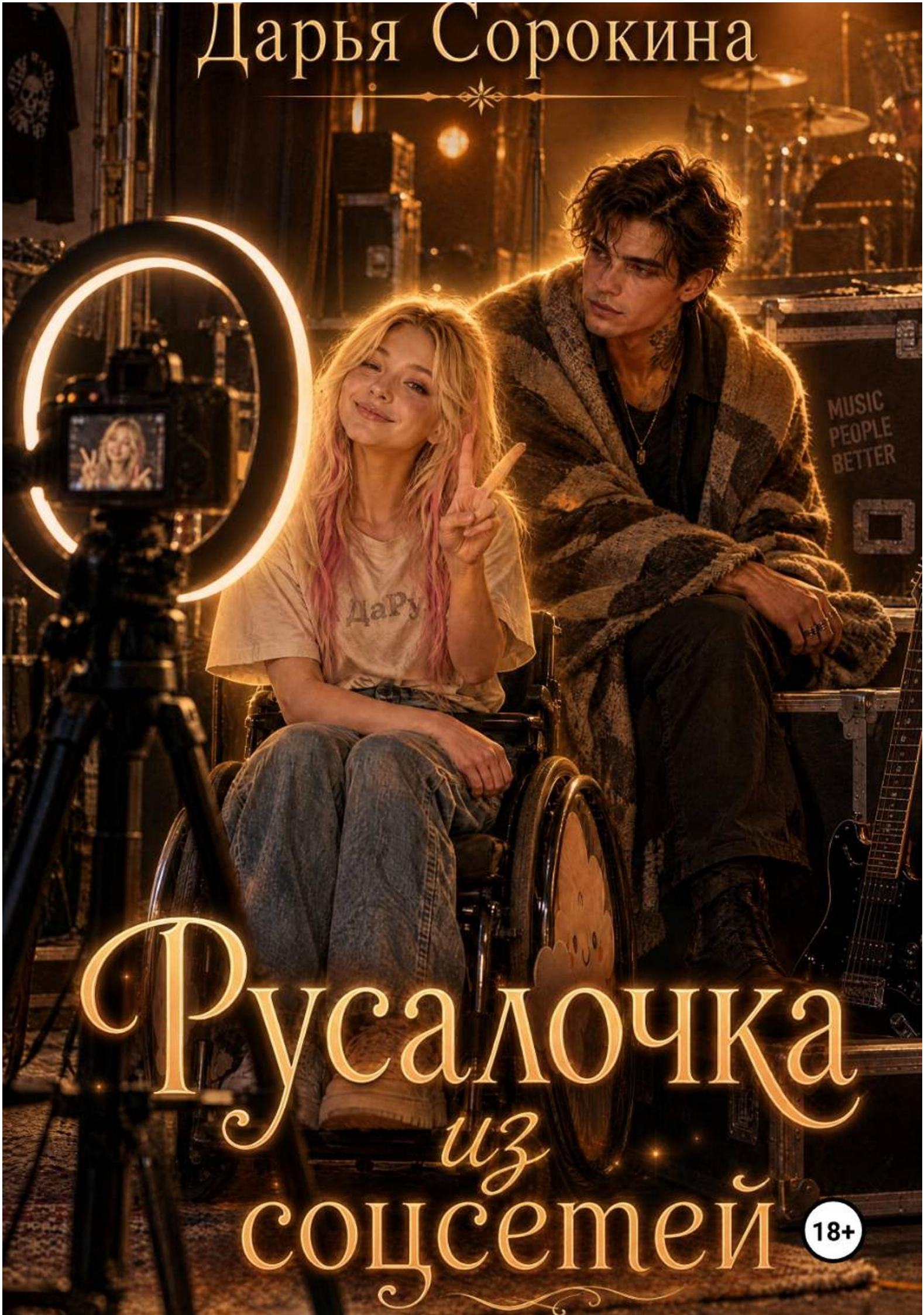
Дарья Сорокина

Русалочка из соцсетей

18+

Дарья Сорокина

Русалочка из соцсетей

«Автор»
2026

Сорокина Д. М.

Русалочка из соцсетей / Д. М. Сорокина — «Автор», 2026

Я — блогер. Вся моя жизнь умещается в экран смартфона: сторис, лайки, комментарии и бесконечная любовь к музыкальной группе ДаРу. Каждый мой пост — это способ сказать миру: Я здесь, я живая, я обычная. Даже если мир замечает только инвалидную коляску.Но однажды в самый темный день на мой «тайный» аккаунт приходит сообщение от безымянного тролля, с которым мы уже год ругаемся в паблике «ДаРу». Одно едкое слово — и я готова заблокировать его навсегда. Но вместо этого зачем-то отвечаю. Так начинается переписка, которая затягивается на долгие месяцы Он умеет рассмешить, поддеть, заставить задуматься — и постепенно становится самым близким человеком, которого я никогда не видела и не увижу..... ведь как признаться ему, что не обычная девушка? Как не потерять того, кто стал моим тихим убежищем? А главное — что, если его настоящая личность окажется еще более неожиданной?

© Сорокина Д. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Одеялко" 5
Глава 2 По ту сторону ширмы 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Дарья Сорокина
Русалочка из соцсетей

Глава 1 "Одеялко"

Телефон то и дело вспыхивал от оповещений. Звук я отключила уже давно, потому что не знала, что сказать моим подписчикам.

«Хей, ваши пожелания здоровья не оправдались. Никакой операции не будет. Я не смогу ходить.»

Очередной всполох.

Все ждут новостей, а я чувствую себя виноватой, что не оправдала надежд и осталась сломанной. Никто не любит фильмы без хэппи-эндов. Да, они трогают сердце, но пересматривать их больно и грустно.

А мне сейчас было именно так. Больно и грустно. А ещё бесконечно одиноко.

Ты можешь быть популярной в сети, можешь иметь кучу подписчиков, но все равно вернешься в пустую квартиру, где даже кошки нет, потому что тебе нужно заботиться о себе, а ты и это едва вывозишь.

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

Провожаю их вместе с катящимися из глаз слезами.

Хочу вырубить телефон и погрузиться в темноту. Мне сейчас это нужно. Только я и обволакивающее ничто. Дождалась, пока очередное уведомление погаснет, чтобы даже случайно не прочитать ни одного сообщения. Иначе это добьет меня.

Потянулась к тумбочке, но телефон выскользнул из обессиленных рук. Он упал четко экраном вверх, и в этот же миг подсветился очередным входящим от пользователя «Одеялко»:

– Куда пропала, идиотина?

Замерла, вцепившись в край больничной постели, и уже не видела ничего, кроме этого издевающегося сообщения, которое подействовало на меня, словно ведро ледяной воды. Попыталась вновь подцепить телефон, но никак не могла дотянуться.

– Ты же там не померла, фанатка долбанутая?

Стиснула зубы. Жалость к себе мгновенно схлынула, и сейчас меня переполняла злость. Мне очень хотелось написать этому придурку всё, что я о нем думаю. Но телефон лишь подразнил меня очередным сообщением.

– Э-э-эй, тупенькая. У твоего сладкоголосого кастрата вышел новый трек, без тебя в комментах скучно. Давай уже посрёмся, а? Я жд-у-у-у.

Проигнорировала поток очередных оскорблений от своего персонального интернет-тролля, потому что сердце сделало кувырок, а вместе с ним — и я. Потеряла равновесие и растянулась на полу, не чувствуя ног. Наркоз пока не до конца отпустил, и ватное ощущение в теле все еще вызывало приступы паники.

А что если так будет навсегда? Что если у меня пропадет то немногое, что осталось?

Тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Не сегодня. Сегодня у группы ДаРу новый трек! Как я могла его пропустить?

С тоской посмотрела на тумбочку. Где-то там лежат наушники, которые я теперь не достану. Чувствую себя Алисой в стране чудес. Прежде чем падать с постели, надо было захватить с собой побольше всего. Подушку, наушники и одеяло. Хотя стоп. Одеялко у меня есть. Сталкер, который не пропускает ни одного моего комментария под постами «ДаРу». Всякий раз, стоит мне написать что-то поддерживающее парням из группы, Одеялко тут же в извращенно-издевательской форме перекручивает мои слова и нарывается на срач. И делает он это

только с моими комментариями. Хорошо, хоть я тоже пишу под фейковым аккаунтом, а то уверена, он бы и в блоге моем умудрился развести грязь. А мне и без этого сейчас фигово.

– Ну че? Послушала? Как тебе?

Вот ему неймётся, что аж в личку написал. Соскучился по нашим вечным ссорам?

– Погоди. Я наушники посеяла.

Первый раз ответила ему без ругани. Странное ощущение, но и он никогда не писал мне вот так. Да еще и в час ночи.

– Боишься мамочку с папочкой разбудить?

Ладно, это всё еще он. Его хватило ровно на одно сообщение без колкостей и обзывательств. Гаденько ухмыльнулась себе и написала ему в ответ:

– Вообще-то они умерли.

Тишина. Кажется, его проняло, потому что он какое-то время ничего не писал. Вернее, что-то печатал, но затем явно стирал, и я наблюдала за этими метаниями со смесью тоски и горького удовлетворения. Неужели удалось достучаться до интернет-тролля? Или все же вообще не стоило писать ему что-то настолько личное? Но сейчас я сижу на полу в палате совсем одна, и он единственный, кроме врача и медсестер, с кем я заговорила после пробуждения. Может, я, правда, тупенькая? Из всех людей мира я выбрала того, кто уже год пасется под каждым моим комментарием на канале у ДаРу и методично обсирает меня и группу.

– Блин… прости.

Ожидаемое красноречие покинуло его. Я использовала запрещенный прием.

– Забей. Это было давно.

– Серьезно, прости, мне, правда, не стоило писать такое.

– Успокойся, говорю. Сейчас послушаю песню и пойдем обратно воевать в комментариях.

– Угу…

Зашла на страницу ДаРу. Песню выложили всего полчаса назад. Снова открыла личку с троллем:

– Серьезно? И кто из нас двоих долбанутый фанат? Даже я релиз пропустила!

Убавила громкость. Не хватало еще, чтобы медсестры услышали и заглянули в палату. Пару минут назад я ненавидела свой телефон, но теперь я не хочу с ним расставаться.

Затаила дыхание в ожидании исцеляющих строчек от ДаРу.

ДаРу стали самым настоящим интернет-феноменом. В их песнях не было заразительных цепляющих мотивов, они не следовали трендам, не номинировались на премии, и их не крутили по радио, но они собирали тысячные стадионы поклонников. Рецепт успеха оказался слишком простым: они не пели о красивой жизни или дорогих машинах, каждый их трек был историей, откровением, таблеткой от душевных ран. Неразделенная любовь, утрата или искренняя радость от самого обычного дождя. ДаРу могли спеть о простой чашке кофе так, что ты чувствовал через музыку и голос Дани Руднева терпкую горечь и тонул в дымном запахе. Вот кому бы подошел никнейм: одеялко. Мягкое, согревающее и нежное.

Новый трек назывался просто и незамысловато: «Бег». Я впервые не решалась нажать на проигрыватель.

Почему именно сегодня?

Взглянула на свои тяжелые ноги.

Я никогда не бегала.

Может быть, в далеком-далеком детстве. Но я уже и не вспомню тех ощущений. Смогу ли я в полной мере оценить эту песню, если я ничего не знаю о беге?

Глубокий вдох. Палец неуверенно жмет на экран, и меня обволакивают ударные, похожие на топот тысяч бегунов. Сердце невольно заряжается энергией, пульс учащается, а легкие до боли требуют воздуха.

Ты где-то там,
Но я не знаю адрес твой
Какой дурацкий штамп
Влюбиться в образ сетевой
Ни имени, ни голоса, ни цвета глаз
Со мною такое случилось лишь раз
Я каждый твой пост, как маньяк стерегу.
Скажи мне куда, я к тебе прибегу!
Я буду бежать до боли в груди
Мне лишь узнать, что ты там впереди.
Пусть легкие в клочья, колени в муку
Я буду бежать, а ты будь начеку.
У-у-у-у Ты будь начеку.
Но ты опять не в сети,
И здравому смыслу вопреки,
К тебе мне надо идти,
На кроссах я затяну шнурки.
Ни имени, ни голоса, ни цвета глаз.
Со мною такое случилось лишь раз.
Я каждый твой пост, как маньяк стерегу.
Скажи мне куда, я к тебе прибегу!
Я буду бежать до боли в груди.
Мне бы только узнать, что ты там впереди.
Пусть легкие в клочья, колени в муку,
Я буду бежать, а ты будь начеку.
У-у-у-у Ты будь начеку.
Я с тобою не играю,
Разум мой не выбирает.
Сердцу нужно-нужно-нужно
К тебе бежать Тебе сказать
Что я буду бежать… до боли в груди.
Скорее ответь, что ты там впереди.
Легкие в клочьях, колени в огне
Прошу побеги навстречу ко мне.
Мы будем вместе бежать, но без боли в груди
И будет лучшее ждать нас с тобой впереди.
Воздух не ранит, и ноги летят,
Для нашей любви не будет преград.

Песня затихает, а я никак не отдышусь, словно я на самом деле бежала вместе с Даней, словно он пел мне. Безумие! Песни ДаРу всегда находили отклик в моей душе, но эта… Эта была совершенно другой. Мне нужно было убедиться, послушать еще раз, уловить все смыслы, или, наоборот, разубедиться. Я обычная безымянная фанатка, а Руднев — гений, который смог попасть в цель, поразить насквозь мое глупое сердце.

Я проигнорировала целый сноп вопросительных знаков от Одеялка и нажала на кнопку повтора. Мое тело словно подхватили невидимые воздушные потоки, и…

– Аля!

Я вздрогнула, услышав встревоженный голос дежурной медсестры Нади, и прижала к груди телефон, из которого вырывались пронзительные строки.

– Я… Я уже ложусь, – зачем-то начала оправдываться я.

– Да я не об этом. Ты почему на полу? Ты в порядке? Позвать врача?

А… точно. Я уже и забыла.

– Нет, просто уронила телефон, – я изобразила невинную улыбку, и Надя качнула головой. Не думаю, что в больнице обо мне высокого мнения: на операцию я легла с ярким макияжем и снимала кружочки, пока у меня не отобрали телефон. Издержки моей профессии. Не будет контента, не будет охватов, не будет рекламы, а без нее мне просто не на что будет жить. Я не оправдываюсь — мне нравится то, чем я занимаюсь. Каждый день я пытаюсь доказать, что инвалидность не приговор, но… наверное, это не то, чем гордятся на встрече одноклассников. Я разбираюсь в тинтах, хайлайтерах и мистах. Я протестировала кучу бьютигаджетов, у меня сотни тысяч подписчиков, и на этом всё. Иногда я чувствую себя диковинной зверюшкой в зоопарке, на которую смотрят из любопытства, из жалости или, чёрт знает, изза чего ещё.

– Давай сюда свой телефон, Аля. Тебе нужно отдохнуть.

Я выпятила нижнюю губу и изобразила свой лучший жалостливый взгляд. Интересно, от чего мне отдыхать? Я и так провалялась под наркозом пару часов. Не могли они телефон забрать раньше, когда он не был мне так жизненно необходим? Мне там сам Даня Руднев в любви признаётся.

– Нет, Аля, это на меня не сработает.

Надя нажала на кнопку вызова помощи, и в палату зашёл санитар, который переложил меня на койку. Телефон пришлось отдать, и медсестра равнодушно выключила его, оставляя меня в одиночестве виппалаты без песни, а моего тролля — без ответов. Хотя, если подумать, я впервые не знаю, что написать в комментариях.

Я не ощущала прежних вайбов от песен ДаРу, я чувствовала себя девушкой, которой признался в любви самый горячий парень на планете, в существование которого я едва ли верила. Сама я не была ни на одном концерте Руднева, видела только клипы и редкие интервью, но все они были настолько идеальными, что было проще убедить себя, что Даня — нейросеть. Не существует более прекрасных и светлых людей. Ни один человек не может так глубоко влезть ко мне в душу, не зная ни голоса, ни имени, ни цвета глаз.

О боже.

Мои щёки натурально вспыхнули, а сердце вновь заколотилось.

Я точно не смогу сформулировать ничего путного, чтобы похвалить ДаРу за этот трек. Любые мои слова померкнут от этого обжигающего признания.

Уткнулась в прохладную подушку, пытаясь воскресить в памяти строки песни, но они дразнили меня единственным словом, которое эхом отражалось в моей опустевшей голове:

– Влюбиться, влюбиться, влюбиться.

Перевернулась на спину и уставилась в потолок. Прямо сейчас я была уверена на тысячу процентов, что Даня пел для меня и больше ни для кого на свете.

Утро началось с обхода. Врач старательно подбирал слова, обрисовывая мои перспективы. Я кивала, принимала, но мысли были слишком далеко от моего неутешительного диагноза. Как будто он скажет чтото новое. Врождённое расщепление позвоночника с очень романтичным названием «Спина Бифида», а после — авария, которая усугубила моё состояние и окончательно усадила в кресло. Я вытащила сразу два лотерейных билета. И вот, когда наконец-то затеплилась надежда, и нашлись врачи, готовые рискнуть, всё в который раз пошло не по плану, и в последний момент оперировать меня передумали из-за каких-то плохих показателей не то пульса, не до давления, не то еще чего-то. Каждый раз новая причина, каждый раз меня душит ком в горле. Хотя сегодня мои мысли впервые далеко от это палаты. В них я бегу, и я очень хочу повторить эти чувства, а для этого мне нужна самая малость.

– Когда я могу получить свой телефон обратно? — я прервала врача в моменте, когда он пытался в очередной раз напомнить мне о важности физиотерапии и тут же добавлял: «Но я не хочу обнадеживать».

– Что, простите? — кажется, он даже не сомневается в моих умственных способностях: гореблогерша, которая легла на операцию с макияжем. Но я правда не хотела слушать в который раз одно и то же. Очередные предостережения и призрачные обещания. Я просто устала.

– Телефон. Медсестра вчера забрала, а мне нужно… По работе…

Я почти не врала. Молчать так долго в моём положении не стоило: я многих заставила тревожиться о себе, и нужно было хоть что-то ответить подписчикам. А ещё мне хотелось ответить Дане и своему троллю. И я до сих пор не придумала, что бы мне хотелось сказать своему кумиру. Песня была слишком пронзительной и личной. Ночью я была уверена, что её посвятили мне и никому другому, но сейчас это казалось глупым. Где я и где Руднёв? Кумир сотен тысяч и девица в инвалидном кресле, рекламирующая уходовую косметику и патчи для век.

Глава 2 По ту сторону ширмы

Телефон мне так и не принесли. Либо забыли, либо дали время обдумать произошедшее. Сейчас в тишине палаты я наконец-то прогнала в голове слова моего лечащего врача. Он сказал что-то о прогрессирующем неврологическом дефиците, внезапной гипертензии, что-то о сатурации, и о том, что потребуется какое-то время для стабилизации моего состояния. Я должна продолжать физиотерапию и укреплять организм. Но я чувствовала себя хорошо до операции, больше года следовала всем рекомендациям. Что могло пойти не так?

Посмотрела на свои ноги и вздохнула.

Не сегодня и даже не завтра.

Жаль.

А ведь песня ДаРу могла бы стать гимном моей новой жизни. Бегать, наверное, я бы не смогла, но ходить — возможно.

Откинулась обратно на подушку и принялась в который раз изучать палату. Тумбочка, ходунки, кресло, утка. За ширмой была ещё одна постель, но ко мне никого не подселили. Кажется, об этом договорилась тётя, хотя я и не просила. Я не против соседей. Так веселее. Вдруг со мной бы лежала такая же фанатка ДаРу? И мы бы обсудили новую песню, а затем стали бы перечислять, у кого сколько лимитированного мерча группы. Вдруг моя соседка даже побывала у них на концерте, и я бы расспросила её обо всём. Да, это было бы здорово. Я так живо представляла себе наш несуществующий разговор, что в какой-то момент мне даже почудился силуэт за ширмой. Я начинаю сходить с ума без своего телефона, теперь это официально.

Через какое-то время моя соседка вдруг стала отвечать мне в моём воображении. И почему-то говорила она со мной мужским голосом. А ещё у этого голоса было имя «Одеялко». Я напряглась, воскрешая в памяти все издевательские посты своего персонального тролля. А с чего я вообще взяла, что он парень? Ничего, кроме его хамских ремарок и совершенно неподходящего ника, у меня не было. Одеялко — это что-то тёплое, нежное и обволакивающее, как голос Дани Руднева, а точно не никнейм для противного сталкера. Ладно, в следующий раз спрошу, парень он или девушка. Судя по всему, ДаРу Одеялку тоже нравятся, раз он следит за всеми их релизами. Либо он не только мой безумный прилипала, но и группу преследует. Я застонала в голос. Почему меня вообще это так волнует? Почему я прокручиваю в голове наш странный разговор? И главное, почему мне неожиданно тепло на сердце, что кто-то незнакомый скучал по мне и волновался? У меня сотни тысяч подписчиков в разных соцсетях, но я думаю о грубияне, которому было важно поругаться со мной в комментариях, который встревожился, когда я впервые не отметилась под постом группы. Кому-то вдруг стало важным моё безымянное альтер эго. Это… мило?

Я посмотрела на ширму, словно прямо там сейчас сидит незнакомец, который внезапно заполонил мои мысли. Я не думаю о словах врача и сорванной операции, мне хочется узнать, кто находится по ту сторону, и понять, почему же ему так важны наши перепалки.

Но за ширмой было тихо, и мне не хватало фантазии придумать Одеялку стоящих причин играть со мной целый год в эту странную игру.

Я маялась от безделия, мечтая, чтобы ко мне хоть кто-то зашёл. С анализами, с очередными новостями, с печёным яблоком и кашей на завтрак, с моим телефоном наконец. Я прислушивалась к шагам, шелестящим у двери моей палаты, и всякий раз, когда они отдалялись, пыталась подавить разочарованный вздох.

Только я прикрыла глаза, пытаясь восстановить строки новой песни ДаРу, как дверь наконец-то распахнулась.

— Ох, Аля. Мне так жаль!

Эта фраза уже давно стала мне слоганом по жизни. Поднимаю голову и встречаюсь с влажными глазами моей тёти. Она редко сдерживает эмоции, и мне становится стыдно, что всё чаще именно я — причина её слёз.

Собираю всю свою волю и концентрирую её на губах. Улыбаюсь так искренне, как только могу. Не только ради тёти — ради себя, чтобы не поддаться унынию и не заплакать следом.

Но в голове переливами погребальных колоколов разносится: так жаль, так жаль, так жаль.

Именно это я услышала, когда очнулась в больнице и первым делом спросила о маме и папе.

Это мне повторяют врачи всякий раз, когда я хочу узнать о прогнозах.

Это мне сказал понравившийся мальчик, когда предложила ему дружить.

Но я не хочу, чтобы моя жизнь была полна только сожалениями, даже если она и вправду печальна.

— Врач сказал, что мне нужно укрепить организм, продолжать физиотерапию, и тогда, может, через полгода они попробуют вновь, — успокаиваю я тётю; кажется, ей это нужнее, чем мне. — Как там Ульяна? У неё вчера были вступительные в магистратуру.

Тётя хмурится, словно и правда всерьёз пытается вспомнить, что у собственной дочери вчера был важный день, и мне совестно, что я краду у двоюродной сестры внимание матери.

— Сдала, — раздаётся голос Ули, и моё сердце расцветает, когда я вижу сестру, она зашла следом, видимо услышав свое имя. Я так боялась, что из-за всей этой мороки с моей операцией она не подготовится как следует, но мои страхи не оправдались.

Уля — одна из немногих, кто не жалеет меня и не оплакивает мои ноги. Она не подрывается толкать мою коляску, не предлагает помощь каждую секунду, и я благодарна ей. Это делает меня сильнее, и я меньше ощущаю собственную беспомощность.

— Поздравляю, — я облегчённо хлопаю в ладоши. — Это надо отметить.

Тётя недоверчиво смотрит на меня, а мне даже стараться не нужно, чтобы порадоваться за сестру: после новой песни ДаРу это вторая отличная новость за сутки.

— Спасибо, сестрёнка, — Уля откидывает за спину свои идеально прямые платиновые волосы.

Тётя немного растерянно переводит взгляд с меня на свою дочь.

— Ты молодец, — устало произносит она, и Ульяна лишь пожимает плечом.

— Как и всегда.

Мне уже хочется поскорее спланировать поход в кафе, и я беспомощно шарю в поисках своего телефона.

Тётя хлопает себя по карману и достаёт мой мобильник. Видя моё волнение, она не торопится вернуть его мне.

— Аля, врач очень просил тебя воздержаться от обсуждения всей этой ситуации в соцсетях.

Не понимаю. Какой ещё ситуации?

— Они боятся, что твоя медийность может навредить больнице. Ты должна понимать: тебе не отказали в лечении, а просто отложили операцию.

А вот теперь я ощутила ком в горле, и не потому, что моя мечта о ногах откладывалась, а потому что меня посчитали скандальной блогершей. Но я и не думала портить врачам репутацию: я благодарна, что хоть кто-то взялся за мой случай и дал надежду.

Вздохнула.

— Я буду осторожна в постах. Запишу пару безобидных роликов о больничном мейкапе, — неуклюже хохотнула я. — Жаль, у меня с собой нет кольцевой лампы.

Тётя лишь покачала головой, но, кажется, я её убедила. Сейчас мне вновь захотелось остаться один на один со своими мыслями и телефоном.

— Тебя выпишут завтра. Тебе нужно ещё что-нибудь?

Я замотала головой. В больнице отлично кормили, косметичка и вещи лежали в тумбочке. Не просить же их на полном серьёзе принести мне лампу.

Выпроводила тётю и Ульяну, заверив, что со мной всё в порядке и мне не терпится заняться своим блогом. Уверена, тётя не скоро пойдёт домой, а вновь пристанет к врачам с расспросами, пока я не вижу и не слышу. Я благодарна ей за заботу и возможность не вникать во все эти прогнозы и диагнозы. Меньше знаю — меньше разочаровываюсь.

Она вышла, а Уля какое-то время задержалась в палате.

— Твои друзья сходят с ума. Ответь им, а то они забили мою личку тревожными смайликами. Особенно Сева, по-моему, он на грани истерики. Они с Камилой хотят тебя навестить, но им не выписывают пропуск. Ещё двух блогеров эта больница не выдержит.

— Спасибо! Я правда очень ценю всё, что вы делаете с мамой.

Ульяна понимающе кивнула.

— Будешь должна, — пошутила она и подмигнула.

— Всё что попросишь. Любая коллаба!

Она ухмыльнулась и помахала мне на прощание. Ульяне вряд ли это было интересно. Она учится на факультете международных отношений, не думаю, что когда-нибудь буду ей полезна. Я вообще вряд ли смогу в полной мере отблагодарить её семью за всё, что они сделали для меня после того, как родителей не стало. Мне было шесть, когда мы решили отправиться в ту роковую поездку на море. Я почти ничего не помню и всю цепочку событий восстанавливала уже после: по новостям, по тихим разговорам на кухне, когда все думали, что я сплю. Папа уснул за рулем всего на мгновение… Но этого оказалось достаточно, чтобы множество жизней изменилось навсегда. Хуже всего было тёте. Она потеряла родную сестру, с которой они почти не расставались. Каждую ночь, укладывая меня спать, она прижимала меня к самому сердцу и обещала, что всё будет хорошо. Кажется, ей это было даже нужнее, чем мне. Я кивала и повторяла, что всё обязательно будет хорошо.

После аварии выяснилось, что у меня была скрытая форма спина бифида. После травмы мне потребовалось серьёзное лечение, многочисленные реабилитации позволили пользоваться ходунками дома и сильно облегчили мне быт. Я смогла ухаживать за собой сама, и даже переехала в квартиру родителей, когда мне исполнилось восемнадцать — лишь бы не стеснять тётю и дядю.

Возможно, из-за этого врачи так осторожничают: они боятся лишить меня того прогресса, которого я достигала годами. Нужно набраться терпения. Я ждала столько лет — что мне каких-то шесть месяцев? Ради тёти нужно не унывать. Я сильная!

Включила телефон. Сегодня мне хотелось обойтись без кружочков, и я быстро написала подписчикам, что со мной всё в порядке, и я непременно поделюсь с ними новостями, как только отыщу свой праймер. Поставила подмигивающий смайлик и добавила к нему губную помаду. Получилось убедительно и в моём стиле. Сева и Камила тут же ожили в нашем общем чате и начали сыпать вопросами.

— Это ты, да?

— Аля, как всё прошло?

— К тебе пустят?

Их точно не устроит дежурное сообщение. Я вытянула руку с телефоном и оценила своё отражение. Выглядела я немного бледноватой, но в целом сносно. Голубые глаза горели решительностью, улыбка на губах н казалась слишком наигранной. Волосы чересчур прилизаны — взбила их рукой, придавая им воздушный и неряшливый вид. Идеально.

Включила запись. С Камилой и Севой нет смысла храбриться, они раскусят любую фальшь, но я всё равно тщательно подбирала слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.